

Поговори со мной, пока я верю,
Что ты вот-вот несмелою рукой
В мой сумасшедший день
откроешь двери
И скажешь мне: “Поговори со мной...”

Перевод Владимира Семёнова

ТРИ ДОРОГИ, ТРИ НАДЕЖДЫ, ТРИ СЕСТРЫ...

Три дороги, три надежды, три сестры
Показались как-то раз из-за горы.

Три тропинки в перепутанной траве —
Три сверкнувшие слезинки из-под век.

Ах, три стёжки! А идти мне по какой?
За какой моей несбывшейся мечтой?

Над какой же я криницей наклонюсь,
Свежей силой,
прежней юностью нальюсь?..

Три дороги. Я гляжу на них в тоске.
Слышу только птичий шорох
в тростнике.

Перевод Владимира Семёнова

ЮРИЙ МАТЮШКО

БЕРЕЗКА

Что ж ты, берёзка, так быстро растёшь?
Что ж тебе небо достать невтерпёж?
Что тебя тянет всегда поутру
Страхивать с листьев росу на ветру?

Ветром расчёсана каждая плеть,
Нравится ветру в листе шелестеть.
Сам я не против, берёзке под стать,
Так подрастать, чтобы звёзды достать.

Красное солнце на запад уйдёт,
Длинная тень по земле поползёт.
Станет понятно, о чём неспроста
Тихо тебе повествует листва.

Вечером трудно окно затворить —
Хочет берёзка со мной говорить,
И, закрывая собою луну,
Тянутся ветви к окну моему.

* * *

Ясно виден мне
В этот лунный миг
В полной тишине
Отражённый мир,
Где, речную глубь
Не пробив насквозь,
Облака плывут
Парами и врозь.

Ясно видно мне
В полуночный час,
Что пора луне
Искупаться всласть,
В глубину нырнуть,
Спрятаться в песок,
Чтоб поток луну
Вдаль не уволок.

Хочется ещё
Много-много лет
Видеть, как течёт
Отражённый свет
Там, где в непростом
Зеркале воды
Искры над костром
Обгоняют дым.

В МОСКВЕ 50-х

Невдомёк приедем издалёка,
Что бывает доброй или злою
Очередь за жирною селёдкой
Или за дешёвой камбалою.

Чемоданы, сумки и коробки...
Суматоха, восхищенье взгляда...
Много чада, шума... мало проку...
Вас толкают? Видимо, так надо...

Справа слухи носятся, как пули,
Их бабули, как носки, связали:
— Ночью брали этих... но вернули,
А соседей взяли на вокзале...

Слева вразной гудят клаксоны,
Слышен посвист милиционеров.
Над толпой витает дух казённый,
Притупляя языки и нервы.

Всё вокруг течёт без перерыва,
И неважно — сухо или морось.
Неспроста приезжие пугливы:
Здесь, в Москве, совсем иная скорость.

Вот и я спешу к ларьку скорее.
Пачка “Тройки” — шик, но дорогая...
И карманы, полные копеек,
По ногам стучат, когда шагаю.

Пропадут... О возрасте не спросят
У провинциального тетери...
Но зато я выгляжу, как взрослый,
И уверен, что в себе уверен.

ВЛАДИМИР МОЗГО

РОГНЕДА

Ты приходишь из давних веков,
Столь земная и полная света.
В звёздах — искрах из-под подков —
Имя высечено: Рогнеда.

Как икону, тебя намолю,
Светлый образ, подаренный Богом.
Ты к земному сошла алтарю
Нашей памяти звёздной дорогой.

Только мельком замечу твой взгляд,
Как печаль исчезает куда-то.
Я любовью твоею богат,
И иного богатства не надо.

Снова искрами из-под подков
Имя-песня летит над планетой,
Дароносица давних веков,
Словно ангел спасенья — Рогнеда.

* * *

Немига, где твоё начало,
В какой подземной темноте?..
На дне бетонного канала
Распята, словно на кресте.

Как будто нет тебя на свете...
Но, сердцу чуткому слышна,
Наперекор сонливой Лете
Живая плещется волна.

* * *

Уводит берегом река,
Следы смывая наши.
И расступаются века,
Как замковая стража.

Искрятся копья и мечи
От солнечной короны,
Где кровью предки-кривичи
Скрепляют оборону.

Как конь, галопом день бежит —
Ни спутать, ни стреножить.
Тропою вьётся наша жизнь
Меж будущим и прошлым...

ВИКТОР ГОРДЕЙ

* * *

И лето, и солнце в зените.
Как выпить кручину до дна?
На спелую ниву взгляните:
Там связь поколений видна.

Колышется рожь золотая,
Дорожка всё глубже, и вот
Тревожная песня ратая
Средь дымных просторов плывёт.

И слушает песню дорожка,
Над нею и тучка, и гром.
Ещё постою так немножко —
И маму увижу с серпом.

И дождь налетел торопливо.
Ну, что же ты! Лей — не жалей!
Шумит и колышется нива,
И сердцу уже веселей.

* * *

Потускнело пламя на калине,
Да и дождь уже не грибосей.
С болью насчитал в пролётном клине
Я сегодня только семь гусей.

Боль не в том, что небеса печальны,
Что не нужно жалостливых встреч;
Проплывал в тревоге и молчанье
Клин гусиный — вот об этом речь.

Тут, за Вязынкою, на пригорках,
Где дубы Купаловы в полях,
Только увидал — вздохнул я горько:
Как же слаб гусиных крыльев взмах!

Дай вам Бог весною воротиться!
Да кричи, вожак, тревожь людей!
Будет мне отныне долго сниться
Клин печальный из семи гусей.

Перевод Геннадия Авласенко

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛЕЕС

* * *

И петь мне не надо, и незачем плакать —
Я жизнь просвистала до медной полушки
И хлеба доела последнюю мякоть,
И детские все раздарила игрушки.

И жалко не слишком, и больно не очень.
Ведь я понимаю умишком убогим:
Уже потускнели и выцвели очи,
И к Богу прямой и короче дорога.

И что не случилось — уже не свершится,
И то, что порвалось, — уже не сошьётся.
На юг улетают последние птицы,
И высохли счастья живые колодцы.

Но сердце упрямо сдаваться не хочет,
Сметая старинных условностей пресность,
И молится солнцу, и молится ночи,
Чтоб снова для песни крылатой воскреснуть.

* * *

Без музыки? Боюсь, что не смогу.
Без музыки? Как будто дни без солнца.
Без музыки? Я у неё в долгу,
она во мне — до нежности до донца.

Без музыки — как мир уныл и сер!
Без музыки — ни воздуха, ни света.
Без музыки — как обнажённый нерв,
как голый нерв — чем буду я согрета?..

Я выйду ночью августа под дождь,
под звёздный дождь из пламени и пыли.
В ладонь звезду, как будто медный грош
поймав, прижму — со всей последней силой.

И в сердце мне сквозь запертую дверь
она вольёт —
ещё не слишком поздно
дышать огнём небесных тайных сфер —
и дальний свет, и музыку, и воздух...

ЛЮДМИЛА КЛОЧКО

* * *

Ты спрашиваешь, чем я занята
И встретимся с тобой когда и где?
А я сейчас как будто бы — не та...
И то ли свет на сердце, то ли тень...

Но я освобожу — день...

Его не будет жаль моей судьбе —
Счастливым дням ведётся точный счёт.
А мне сейчас так хочется к тебе,
И говорить не стоит наперёд...

Но я освобожу — год...

Побыть с тобой — не глядя никуда
И на тебя рукою опершись...
Пугают мимолётностью года...
И если ты попросишь: задержишься...

То я освобожу — жизнь...

МОЛИТВА

Храни меня от тех, кому я доверяю...
Храни меня от тех, кто просит доверять.
Над кем-то я смеюсь, а с кем-то я играю...
Храни меня от тех, с кем не хочу играть...

Храни меня от рук дарующих (берущих!),
Храни меня от плеч... Храни от всех опор...
Храни меня от тех, прошедших и грядущих,
О ком душа не затевает спор:

Я верю им (верна!), я им всем сердцем рада!
От тех, чьи берегу и взгляды, и слова,
От тех, кого люблю, от всех, кто слишком рядом, —
Храни! Я от других — храню себя сама...

ЮРИЙ ФАТНЕВ

* * *

Вечерами пахнет маттиола
От метелей северных вдали.
Шлюпки морю бьют челом у мола,
Чтоб сорвать их волны не могли.

И всю ночь до зорьки-заряницы
Снится мне языческая рань.
И зегзицей мысль моя стремится
Поискати град Тмутаракань.

Меч да гусли — нет иного груза,
Я гляжу, гляжу во все глаза,
Как бежит по струнам вещей гуслей
С трав степных былинная роса.

Как сверкают серебром на черни
Шлемы воев ночью под луной.

Это всё я вспомню в год вечерний
И окликну гибнущих со мной.

А пока никто не слышит зова,
Да и сам коня не поверну.
Только так родиться может слово,
Если кровь забрызгает струну.

Потеряю имя в Диком поле,
Не привыкший бегать от стрелы...
Вечерами пахнет маттиола
От метелей северных вдали.

* * *

То ли пала мгла, то ли ночь светла.
Не грозит стрела. Гром не грукает.
Не рыдает бор, не аукает.
Мать сыра земля, мать сыра земля,
Мать сыра земля Русь баюкает.

Тишиной высот, тишиною вод,
Тишиной полей беспредельною
Мать земля поёт колыбельную:
“Ты расти, народ, ты расти, народ,
Ты расти, народ, вечность целую.

Я навею сны. Ты глаза сомкни —
И услышишь в них всё не спетое.
И увидишь в них все столетия.
А забрезжит день — сны в душе храни,
Дальше снов шагни, Русь рассветная...”

То ль бежит роса, то ль жужжит коса,
То ль рыбак плеснул длинным неводом,
То ли гуслей гул что поведает...
Русь в туманах вся спит, смежив глаза.
Никому ещё Русь неведома.

ТАТЬЯНА ЕВДОКОВА

* * *

На мелководье плещутся мальки,
Резвятся и плотва, и окуньки.
А в глубине морской среди кораллов,
В холодной тёмной, тайной глубине —
Другая жизнь, доступная так мало,
Точнее, недоступная извне.

Там жемчуга невиданной красоты
Родятся из песчинок наносных,
Из света хрупкого звезды случайной,
Как от Любви Божественной, но тайной.

* * *

Цветенье осени — прощальный бал,
Фонтаны брызг багряно-жёлтой гаммы.
Цветёт октябрь буйно и упрямо,
И ветер дирижировать устал,

Притих в листве и тает от свечи
Сгорающего жёлтым цветом клёна.
Прислушайся, умолкни, приобщись
Холодного свеченья преклонённо.

Цветенье осени не есть азарт
Хмельного соловьиного призыва,
Не выстрел обезумевший “На старт”,
А финишная ленточка надрыва.

Кленовый лист — ладонь рукопожатья —
Прохладой отрезвит июльский зной.
Чтоб отличить безумие от счастья,
Душа желает обрести покой.

И слушать музыку иных миров,
Иных созвездий и иных созвучий...
Соприкоснувшись с вечностью могучей,
Снимает осень пышный свой покров.